

УЧЕТЪ СТАРШИНЫ.

(Картины народной жизни).

Давно уже шла молва по к-му уѣзду, что въ общественномъ сундукѣ барановскаго волостного правленія творится пеладное, будто бы растрчено болѣе тысячи рублей общественныхъ денегъ, и виновникомъ этой растраты молва называла мѣстнаго старшину Силкова. Но на видъ все состояло, какъ пельза болѣе, благополучно: сельскіе старосты за невзносъ числящейся за обществами недоимки высиживали опредѣленное количество дней въ «казаматкѣ», т. е. арестантской, а старшина благодумствовалъ. Наловить, бывало, въ лѣтнее время рыбки и, поджаривъ, поѣдаетъ ее съ аннетитомъ, поглаживая брюшко и записывая для пишеваренія вишючку, потому—«рыба по суху не ходитъ». какъ совершенно справедливо говорилъ онъ. Когда же нужно было «отвести душу», то тремали мужицкія скулы и ребра отъ его тяжелѣснаго кулака и никто ему, старшинѣ, перечить не смѣлъ и жаловаться не думалъ.

Но вотъ, наконецъ, такое положеніе вещей «прискучило» должно быть старостамъ, и двое изъ нихъ, сѣдя въ городской арестантской, возми да и скажи кой кому, что у нихъ въ правленіи не совѣмъ «чисто», что, пожалуй, и они то зря сѣдятъ здѣсь и т. п.

Вѣсти эти дошли и до выснаго въ уѣздѣ начальства, и волости предложено произвести тщательный учетъ общественныхъ суммъ, находящихся въ распоряженіи воинственнаго старшины.

И вотъ, въ одинъ сентябрскій день 189.. года въ барановскомъ волостномъ правленіи собирается волостная сходка специально для учета старшины. Приходящая въ правленіи, хотя большая комната, но въ тотъ день буквально пере-

полнена пародомъ—учетчиками, съ сельскими старостами во-главъ. Старосты и трое специалистовъ изъ бывш хъ волостныхъ старшинъ приглашены старшиною въ «зал», а прочіе усѣлись въ прихожей. Бывшіе старшины приглашены на сходку по той причинѣ, что они на опытѣ знаютъ, «гдѣ раки зимуютъ», и скорѣе прочихъ могутъ сыскать «прорѣхи» въ общественномъ бумажишкѣ.

Шла оживленная бесѣда между находящимися въ прихожей, но говорили всѣ тихо, дабы не помѣшать счетчикамъ—старостамъ и специалистамъ изъ старшинъ,—проврѣяющимъ въ «залѣ» приходорасходныя книги.

—Что тутъ толковать: нѣсть-ѣсть чего душа извоить, катается на парѣ, одѣвается такъ чисто, что муха не усидитъ на одеждѣ-то,—пу какъ тутъ не быть растратѣ? Вѣдь жалованье-то ему (старшинѣ) не тысяча, а полтораста рублей только. . . говоритъ Гришуха Краснобаевъ, молодой крестьянинъ изъ дер. Задержки.

— Это и каждый, Гришуха, знаетъ, да вотъ какъ уличить-то его—хитеръ больно, вывернется опять, тогда бѣда будетъ тому, кто, примѣрно, пасупротивъ его скажетъ теперь... Ты языкъ-то позадержи, пареня!—уимаетъ Гришуху дядя Петръ, крестьянинъ лѣтъ 60, изъ с. Барановскаго.

— А мнѣ наплевать! Что онъ можетъ со мной сдѣлать? подать у меня заплачена, да и не драчунъ я...

— Такъ-то оно такъ, да коли вздумаетъ, такъ и безъ вины будешь виноватой, вотъ что, пареня!.. Хотя начальство-то и приказываетъ сдѣлать учетъ, а кто его знаетъ, что у него на умѣ то!.. Я и коево-динъ видѣлъ, какъ урядникъ у того же старшины пьетъ чай, да и становой и прочіе къ нему ласковы..

— Да что урядникъ, или становой, найдемъ и выше, лишь счетчики наши бы растрату видящую, а я первый закричу, что подѣ суду надо отдать!.. Ты

развѣ забылъ, какъ онъ съ насъ грши то выколачиваетъ? Скажи-ко ему, что денегъ нѣтъ, обожди, такъ сейчасъ въ ухо дасть; «бурхо скажетъ, распорю, да найду; взыщу!» Последнюю коровенку уведеть за рога, послѣднее зерно хлѣба своими руками, бывало, выгребеть изъ твоего сусѣла, хоть съ гододу со всей семьей помирай ему наплевать, еще по-смѣется надъ тобой, скажетъ: «панеки завтра шанегъ (алашекъ), въ гости придутъ!.. Денька передохнуть не дасть, а тутъ-на ко: расграть, прошья да прогуляяъ наши-то кровныя!.. А каковы они намъ достаются-то?..

— Конечно, не легко достается нашему брату кажинная копѣйка, а отъ его старшины, пощады ужъ не жди, да слышно, что одинъ и тѣ же деньги получаетъ по нѣскольку разъ, и это сказываютъ, но только надо до всего добраться толкомъ, чтобъ законно было и всѣмъ, примѣрно, подписаться, не робѣть, а вѣдь у насъ самъ знаешь, кто куда, ну, одинъ то выскочишь, сдѣлается не по твоему, вотъ и прональ!.. продолжаетъ урезонивать дядя Петръ.

Но вотъ говоръ становится шумнѣе и наши собесѣдники замолчали, стали прислушиваться.

— А гдѣ же у тебя, Василій Александровичъ (такъ звали Силкова), тѣ деньги, что были собраны въ прошломъ году на пожарную трубу? Поминтся, сто рублей было собрано, а труба не куплена, и въ книгахъ объ этихъ деньгахъ нигдѣ не упомянуто...—доносится слова бывшаго старшины Ерофѣева.

— Пожарныя деньги?.. Ахъ, да, они при мнѣ... Нѣтъ, впрочемъ, я издержалъ... залепеталъ Силковъ, неожиданно уличенный счетчикомъ.

— Какъ издержалъ? на что?.. вѣдь де бги были собраны на трубу и табѣ переданы съ тѣмъ, чтобы ты немедленно отослалъ ихъ въ земство, которое

отъ себя обѣщало дать 200 р. на это дѣло...

— Деньги эти я перерасходовалъ на постройку дома подъ правленіе: на конопатку да на тесъ,—возражаетъ старшина, оправившись отъ неожиданности.

— На то дѣло особо собраны были 300 руб., какіе тутъ перерасходы? Докажи, коли перерасходовалъ! заговорили и старосты.

— Что-жъ, пужно, такъ и докажу завтра, а сегодня не обѣжать же мнѣ домой за счетами.

— Ну, хорошо, это пока оставимъ, говорить Ерофѣевъ.—Теперь вотъ объясни намъ, куда дѣлся общественный капиталъ, 500 руб.—тоже перерасходованы куда нибудь?

— Объ этихъ деньгахъ надо помолчать; тихо отвѣчаетъ ему старшина, — завтра я скажу и объ нихъ... Чайку-то пожалуйте выкушать, дѣло не водкъ,—въ дѣлѣ не убьютъ; я не шаромыжникъ какой нибудь, всѣ деньги найдутся, не безпокойтесь,—говоритъ Силковъ, суется около самовара, шумѣвшаго и свистѣвшаго на всѣ лады. Эй, сторожъ! сходи за кренделями въ лавочку да прихвати бутылочку сливочекъ съ бѣшеной коровы, понимаешь?..

— Сію минуту! отвѣчаетъ сторожъ, особенно живо вскакивая съ печки.

Въ толпѣ учетчиковъ, что находились въ прихожей, заговорили, и говоръ становится все сильнѣе и сильнѣе. Начали подозрѣвать и своихъ грамотѣевъ, какъ бы они не вошли въ сдѣлку со старшиною, видя, что послѣдній собирается угощать ихъ. Когда же сторожъ вернулся съ кренделями и водкой, то Гришуха Краснобаевъ пришелъ въ негодование.

— Что тамъ сегодня за праздникъ? Мы сидимъ цѣлый день голодные, а тамъ водочку попиваютъ, іуды! Антъ міръ хотите продать, такъ мы найдемъ судъ и выше, тогда и самимъ достанется... Кто растратилъ наши кровныя, отъ

того стыдно и грѣшно принимать угощеніе; а подъ судъ, въ Сибирь того надо! крикнулъ онъ.

Вдругъ дверь открывается и выходитъ старшина, побагровѣвшій отъ злости.

— Это кто кричитъ здѣсь?.. грозно спросилъ онъ.

Всѣ стали втуники, не зная, что дѣлать: выдавать или вѣтъ товарища.

— Говорите: кто меня въ Сибирь назначилъ? чтобъ сейчасъ было сказано, иначе всѣхъ пересажу въ казamatку, мерзавцевъ!

— Гришуха Краснобаевъ! сказалъ сторожъ.

— Ахъ, ты, мерзавецъ! накинулся онъ на Гришуху.—Такъ ты меня ужъ въ Сибирь назначилъ безъ суда и слѣдствія?.. Сибирь-то, подлецъ, далеко, а у насъ есть поближе мѣстечко... Сторожъ! отведи-ка его въ казamatку, сказалъ онъ и ушелъ опять въ «залю», сильно хлопнувши дверью.

Арестомъ Гришухи толпа была ошеломлена. Въ прихожей водворилась гробовая тишина, одна изъ тѣхъ зловѣщихъ, какія бывають передъ бурей. Учетчики мало по-малу стали перешептываться межъ собою о несправедливости ареста Гришухи, наконецъ и вслухъ начали говорить: «выпустимъ, ребята, Гришуху!» Вотъ одинъ изъ нихъ, взглянувши въ «залю», прямо заявилъ:

— Выпусти, старшина, Гришуху, не то сами силой выпустимъ, всѣ рѣшили такъ!..

— Ахъ, вы мерзавцы! да какъ вы смѣете вмѣшиваться въ мое дѣло, да я васъ всѣхъ туда запру! закричалъ тотъ, выскочивши изъ «залы».

— Стой, старшина! останавливаетъ его дядя Петръ, выпрямившись во весь ростъ, — всѣхъ не запрешь—не влѣземъ. Мы мерзавцами-то еще не бывали, да и тебѣ не дай Богъ оказаться таковымъ... А ты не противься міру: рѣшили выпустить, такъ и выпусти Краснобаева, по-

слѣ схода дѣлай съ нимъ, что хочешь, на то законъ есть, коли виновенъ онъ, то осудятъ, а теперь... Хуже будетъ, коли силой выпустимъ, дойдеть до начальства, пойдуть спросы да разспросы... Можетъ ты самъ виноватѣ насъ окажешься, потому мерзавцами-то не слѣдъ и тебѣ называть насъ...

Силковъ стоялъ блѣдный, что полотно, не зная, что дѣлать. На шумъ вышли изъ «залы» и счетчики со старостами и, будучи подхмелькомъ, смѣло начали говорить міру, т. е. остальнымъ выборнымъ учетчикамъ, что старшина дѣйствительно учинилъ растрату.

— Это уже извѣстно, что 700 руб. значить не хватаетъ у него, а можетъ быть и больше окажется!.. сказала Ерофѣевъ.

Въ прихожей раздается крикъ: «пшите приговоръ о растратѣ, къ суду его!» Старшина видитъ, что дѣло дрянъ, чего добраго побьютъ еще учетчики, озлобленные съ одной стороны арестомъ Гришухи, а съ другой—растратою изъ кровныхъ денегъ, понявъ, что угрозою тутъ ничего не подѣлаешь, а потому сказалъ:

— Ну пусть будетъ по вашему... Сторожъ! выпусти Краснобаева. А теперь и вы сдѣлайте по-моему, обратился онъ къ сходу: идетъ до завтра по домамъ, завтра же я дамъ вамъ полный во всемъ отчетъ... Я не шаромыжникъ какой-нибудь, прости Господи!.. Мнѣ вашей копѣйки не надо...

— Ну, хорошъ, коли такъ... До завтра одна ночь --пождемъ, да и проголодались къ тому же, пора и закусить, сказалъ дядя Петръ, съ тѣмъ согласился и остальные, и разошлись по «фатерамъ».

(Продолженіе будетъ)



УЧЕТЪ СТАРШИНЫ.

(Картины народной жизни).

(Окончаніе *).

II.

Эту безпокойную ночь Силковъ не спалъ, да и какъ было уснуть ему, когда неотвязчивая мысль о преданіи суду какъ камень давила его.

Въ продолженіи ночи онъ то къ одному учетчику сбѣгаетъ, то къ другому изъ болѣе вліятельныхъ и, разбудивши, потолкуетъ съ ними, умоляя, чуть не со слезами на глазахъ (благо, никто такого униженія не видитъ!), не подписывать приговора о растратѣ и общающа ея покрыть въ недалекомъ будущемъ; въ то же время общается и лично упрашиваемому сдѣлать всякое добро и милости.

— Ты ужъ молчи завтра, дядя Петръ, а остальныхъ-то я уговорю, тебя же за это я вѣкъ не забуду!.. Правда, я когда то обидѣлъ тебя.. Помнишь, на счетъ крутицкой-то пожни?.. Кабы я тогда грѣха на душу не взялъ, и все еще была бы твоя... Да что подѣлаешь: кто Богу не грѣшенъ, Царю не впововать?.. Ты прости меня, ради Бога!—умолялъ онъ Петра, вызвавши за сарай «на пару словъ».

— Я зла не помню, Богъ съ тобой, и сердиться на тебя за то не сержусь и не буду, но и грѣшить противъ присяги и совѣсти тоже не буду, Василій Александрычъ! отвѣчаетъ категорически Петръ и отправляется въ избу.

— Коли такъ, то знай же, старый

хрѣнь, что и ты попадешься когда нибудь ко мнѣ въ руки, тогда пощады ужъ не жди!—крикнулъ ему старшина и пошелъ домой, «не солоно хлѣбавши».

Но не всѣ учетчики отнеслись къ просьбѣ старшины такъ, какъ дядя Петръ; многие общали ему, въ надеждѣ получить на будущее время разныя милости, свое содѣйствіе или въ крайнемъ случаѣ молчаніе при вторичномъ учетѣ.

На утро, чуть только показался свѣтъ, учетчики опять собрались въ волостное правленіе и начали «считать»... Но считать, оказалось, нечего—все было вчера еще сосчитано и итоги были вѣрны. Теперь вопросъ являлся лишь о томъ, принимать-ли во вниманіе заявленіе старшины, что собранныя имъ деньги на пожарную трубу израсходованы на постройку зданія подъ правленіе? Поднялся общій говоръ, скоро перешедшій въ крикъ. Одни кричали, что надо принять перерасходъ (это тѣ, на которыхъ ночное посѣщеніе старшины подѣйствовало), другіе же утверждали, что не слѣдуетъ и въ числѣ послѣднихъ находились очевидцы расчета старшины съ конопатчикомъ, которые увѣряли, что старшина выдалъ ему именно столько, сколько и было ассигновано на этотъ предметъ,—а не больше, въ удостовѣреніе своихъ словъ требовали позвать конопатчика на-лицо.

Долго спорили межъ собой наши учетчики, вплоть до вечера, а дѣло не подвинулось ни на одинъ шагъ; не было единогласія, а безъ того старшина не позволялъ писать приговора и самую книгу приговоровъ заперъ въ шкафъ.

—Что, братцы, спуста намъ ругать другъ друга, позовемъ конопатчика, тогда и узнаемъ, а пока ходять за нимъ—оставимъ этотъ вопросъ. - А вотъ теперь скажи,

Василій Александрычъ, на счетъ 500 р. общающаго капитала, куда, значить, они ухнули? рѣшаетъ Петръ.

— Проѣлъ да пропиль, брюхатой! крикнулъ Краснобаевъ.—«И простота не пью, хереску».. говорить, бывало,— иронизируетъ, не унимаясь, Гришуха.

Но Силковъ теперь какъ бы и не слышитъ оскорбленій, сыплющихся на его голову, а отвѣчаетъ Петру:

— Тѣ деньги у меня въ недомкѣ...

— Тогда покажи за кѣмъ именно? здѣсь всѣ старосты на-лицо и каждый про себя и про своихъ общественныхъ знаетъ.

— Да вотъ федоровской староста первый и не заплатилъ 50-ти руб. на содержаніе волостного правленія.

— А почему я не заплатилъ? развѣ не потому, что ты у меня взялъ 100 р. податей еще въ мартѣ, но и до сихъ поръ не внесъ ихъ въ казначейство? ты растратилъ ихъ, а за мною числится недоимка и начальство требуетъ денегъ, а съ кого я теперь буду взыскивать, коли недоимщиковъ-то вовсе и нѣтъ?.. Внеси сначала самъ тѣ деньги въ казначейство, тогда у меня тебѣ 50 р. давно готовы,—говоритъ староста Федоровскаго общества, а въ доказательство словъ показываетъ схода подлинную росписку старшины.

Поднялся еще большій крикъ, всѣ убѣдились воочію, что Силковъ растратилъ не только общественный капиталъ, но даже и податями не брезгаетъ.

— По твоему, федоровской староста долженъ тебѣ 50 руб., да и то не правдой оказывается; ну, а еще-то кто недоимщики? спрашиваетъ старшину Ерофѣевъ.

Силковъ молчитъ, какъ бы не слыша вопроса.

Видятъ силковцы, что дѣло ихъ патрона дрянн, перестали защищать, замолчали, а нѣкоторые перешли въ обвинителей и прямо вмѣстѣ съ прочими стали настойчиво требовать книгу приговоровъ.

— Надо писать приговоръ, что зря и время тянуть—ясно, что деньги растрочены! говорить кто то громко въ толпѣ.— Барановцамъ еще туда-сюда, продолжаетъ тотъ же голосъ, а намъ вотъ хоть съ голоду помирай: домой идти далеко, а денегъ съ собой не взяли... Хорошо, у кого родня есть здѣсь—покормятъ, а я вчера всю ночь не спалъ, потому—голодець, «вшка кишкѣ кукшиш сулитъ», тутъ не до сна!...

— Книгу, книгу подавай сюда, старшина! закричали и остальные, вошедши въ зало.

Видитъ Силковъ, что ему не устоять, придется уступить требованію схода, а иначе, пожалуй, побьютъ и самого, вытаскивъ изъ кармана ключъ отъ шкафа и подалъ одному изъ старостъ, сказавши: «берите хоть всѣ!..»

Приговоръ былъ написанъ и подписанъ старостами, и слово «растрата» какъ пожемъ кольнуло старшинское сердце, когда приговоръ прочли вслухъ остальнымъ участникамъ схода. Однако, подписаться къ приговору всѣмъ не удалось; произошло нѣчто необычное. Въ то время, когда какой-то «десятидворный» только-что хотѣлъ было расчеркнуться на приговорѣ, подходитъ къ старшинѣ сторожъ и что-то шепчетъ ему на ухо. Старшина вскакиваетъ со стула, схватываетъ изъ рукъ десятидворнаго книгу и убѣгаетъ съ ней.

Учетчики всѣ поражены неожиданнымъ.

постыю... встали, не зная, что и дѣлать...

— Что-же это такое!.. Куда его лѣпшій понесъ съ книгой-то? говорить, какъ-бы пробудившись отъ сна, Гришуха Краснобаевъ, по ему никто не отвѣчаетъ, ибо и всѣ стояли съ такимъ-же вопросомъ на устахъ...

Спрашиваютъ сторожа: что онъ такое сказалъ старшинѣ, но тотъ молчитъ, наконецъ сказалъ, что на станцію прѣхалъ «земскій» и старшина навѣрно къ нему убѣжалъ.

— Эво! изба-то задрожала, побѣгъ, должно, ябедничать! воскликнулъ Гришуха.

— А что, братцы, и намъ теперь дѣлать здѣсь нечего, пойдемте и мы за нимъ, узнаемъ, примѣрно, что онъ будетъ говорить земскому, да и мы все дѣло обскажемъ... сказалъ дядя Петръ.

— Что жъ, пойдемте!—сказали и другіе, и отправились на станцію, благо она была черезъ два дома отъ правленія.

Содержатель станціи, однако, не допустилъ ихъ, сказавши, что земскій спитъ, съ дороги «устамши», «заутра ужъ приходите»...

Дѣлать было нечего, опять разошлись члены барановскаго муниципалитета, кто домой, кто на «фатеру».

На слѣдующее утро, собравшись въ волостномъ правленіи, горемычные учетчики прежде всего послали за старшиной, но сторожъ, вернувшись, сказалъ имъ, что старшины нѣтъ дома. Какъ молнія блеснула у всѣхъ мысль, что онъ опять у земскаго начальника.

— Видно, не все вчера успѣлъ пересказать, а може за ночь-то повую ябеду придумалъ! сказалъ кто-то.

Отправляются слова на станцію и за-

стаютъ тамъ старшину въ прихожей, очевидно онъ уже «выпалилъ» все, «разрядился» отъ ябедъ и теперь ждалъ, не будетъ ли какихъ-нибудь «приказаній».

Пг.

Земскій начальникъ встрѣтилъ учетчиковъ довольно холодно, и тѣ поняли, что старшина успѣлъ поговорить про нихъ, Богъ знаетъ что, — струсили, а когда онъ сталъ упрекать ихъ въ неблаговидности поступка относительно освобожденія Гришухи изъ-подъ ареста, да еще съ угрозою «свернуть старшинѣ шею», то и совѣзмъ пали духомъ и ни слова не могли сказать въ свое оправданіе. Много и долго говорилъ земскій начальникъ и въ заключеніе сказалъ еще:

— Затѣмъ, вотъ старшина говорилъ мнѣ, что нѣкоторые изъ васъ позволяютъ себѣ говорить и даже кричать, что старшина подкупилъ все начальство, въ томъ числѣ и меня... А за подобную клевету знаете, что васъ можетъ ожидать?..

— Не вѣрьте ему, старшинѣ-то, ваше благородіе, вретъ все! говорить дядя Петръ.—Какъ можно про начальство говорить намъ такіе пустяки, вѣдь мы не о двухъ головахъ...

— Какъ вру?—прерываетъ его старшина,—не ты ли во все горло кричалъ, что «кто его знаетъ начальство-то» или: «може старшина вмѣстѣ съ начальствомъ растратилъ деньги-то, аль взаимы отдалъ безъ отдачи...» Это ты не говорилъ, что-ли? — говорить Силковъ съ такой нахальной самоувѣренностью, какъ будто онъ и заправду слышалъ эти слова.

— Побойся Бога-то, Василій Александрычъ, вѣдь вратъ грѣшно! Аль и помирать не думаешь?.. — началъ было

оправдываться дядя Петръ, но въ толпѣ опять поднялся крикъ: «не вѣрьте, ваше благородіе, старшинѣ-то, дядѣ Петру вѣрьте!.. старшина вретъ все!» По такъ какъ кричали всё вдругъ, никто никого не слушалъ, и толкомъ не выяснялъ дѣла, то, понятно, земскому начальнику надоѣло все это слушать: онъ поспѣшно съѣлъ на приготовленную тройку и уѣхалъ, пообѣщавъ вскорѣ прѣхать вновь и разобрать ихъ дѣла, а до этого приказалъ приготовить учетный приговоръ, да «толковѣ...»

Почесали свои затылки наши учетчики и подумали опять въ волостное правленіе, теперь уже вмѣстѣ со старшиною, которому, по словамъ содержателя станціи, земскій начальникъ строго запретилъ дѣлать подобныя «безобразія», какъ насильственное отобраніе изъ рукъ учетчиковъ книги.

Но хотя это было до очевидности странно, дико, даже просто необъяснимо, однако чѣмъ больше думали учетчики, или въ правленіе, о словахъ земскаго начальника, тѣмъ болѣе укрѣплялась въ головахъ ихъ мысль: и на самомъ дѣлѣ не дали старшина ему взаимы часть нашихъ-то денегъ, а теперь, не получивши съ него, поневолѣ оказалась растрата?..

Мало по-малу они и загворили потихоньку объ этомъ межъ собою, что не ускользнуло отъ опытныхъ глазъ и ушей Силкова, и, само собою разумѣется, чрезвычайно его обрадовало.

Наконецъ онъ самъ, идя дорогою, началъ кой-кому закидывать «двухмысленныя» словечки, дабы еще больше укрѣпить учетчиковъ въ этомъ убѣжденіи. Онъ зналъ, что разъ увѣряться въ этомъ, то изъ нихъ тогда «хоть веревки вей», потому что съ одной стороны будутъ бо-

иться, что съ нимъ, Силковымъ, ничего не подблещь, ибо начальство, подумаютъ, за него «горой стоитъ», что тутъ «дѣло не чисто» и т. и., а съ другой стороны одолжаемые голодомъ должны будутъ спѣшить окончателемъ дѣла. Понявши это, у Силкова отлегло, что называется, отъ сердца... И онъ не ошибся.

IV.

По приходѣ въ волостное правленіе старшина сталъ уже требовать отъ учетчиковъ, чтобы пожарныя деньги были записаны въ счетъ перерасхода по постройкѣ дома для правленія, а если они по прежнему желаютъ пріобрѣсть пожарную трубу, то деньги слѣдуетъ собрать вновь.

— Да и на кой чортъ вамъ эта труба далась? По моему, такъ и не нужно совѣсьмъ ея! говорить онъ. Пока Богъ хранитъ, а ужъ когда случится пожаръ, то все равно и трубою не потушишь его: домъ у насъ большіе, деревянные, ну, что тутъ подблещь трубочкой? и не подступинься...

— Оно такъ, то такъ, на все воля Божья, да все же и труба лишней не была бы? И то сказать: и денегъ жалко, потому—вспомни, Василій Александровичъ, съ какимъ трудомъ тогда, во время сѣнокоса, собирали эти деньги? говорить одинъ изъ старостъ. Вѣдь ты же тогда съ начальствомъ и выдумали это...

— Какъ хотите... Желаете имѣть трубу—собирайте деньги вновь, а эти, что были собраны, я издержалъ на конопатку, и должны это признать, а не то—еще три дня продержу здѣсь; не выйду изъ правленія, вотъ вамъ и весь сказъ! отрѣзалъ старшина и пошелъ въ «залю»,

гдѣ ждалъ его пыхтѣвшій самоваръ, отдавая комнату паромъ.

— Какъ продержишь три дня? на какомъ основаніи?.. Что намъ съ голоду околябать здѣсь, что ли?.. кричить вдогонку ему Гришуха Краснобаевъ.

— Ты опять—кричать? сказалъ старшина, выглянувши изъ дверей,—аль забылъ, что говорилъ вамъ земскій?.. Сторожъ! Запри его въ казematку... Посмотримъ теперь, кто осмѣлится мнѣ прѣдъявлять?.. Пусть попробуютъ выпустить... ха! ха! притворно захохоталъ онъ.

На толпу учетчиковъ неволью напала робость, и они, не зная, что дѣлать, притихли, сжались...

Съ одной стороны учетникамъ ужасно не хотѣлось принять эти 100 руб. на счетъ перерасхода, котораго не было въ дѣйствительности, съ другой—перспектива съѣсть здѣсь еще цѣлыхъ три дня, какъ грозилъ старшина, была тоже не изъ привлекательныхъ. «Развѣ уйти такъ, ничего не сдѣлавши?» думаютъ они и выражаютъ, наконецъ, вслухъ это.

— А начальство что скажетъ тогда намъ за это? говорятъ дядя Петръ.

Опять не ладно. Всё знали, что начальствомъ было приказано произвести учетъ «по возможности въ скорѣйшемъ времени», и не исполнить этого было бы сочтено съ ихъ стороны, пожалуй, за укрывательство.

Долго судили учетчики въ перѣшительности, а старшина, зная, подливаетъ чаекъ, подливая въ него свои любимыя «сливочки». Наконецъ согласились принять и 100 руб. на счетъ волости, записавъ ихъ въ перерасходъ.

— Такъ ужъ и быть, принимаемъ, значитъ, пожарныя деньги,—говорить

старосты, — только пожалуйте отпуская, Василий Александрыч, часть скорбей до мной, не помирайте же здесь с голоду, вь сам-дѣла!...

— Ну, вотъ, давно-бы такъ! весело проговорилъ старшина, вытаскивая изъ шкафа книгу приговоровъ... — Миркомъ да ладкомъ куда сподручишь, а то ужъ прямо — «въ Сибирь»... Эхъ, вы! Сибирь-то далеко, а я-то тутъ и есть, — смѣется старшина. Пишите приговоръ, продолжаетъ онъ, да ни слова не упоминайте о растратѣ, такъ и сейчасъ ведерко вина поставлю, ну, а на закуску кренделей пудинго... Вамъ все равно вѣдь: деньги за мною не пропадутъ, и не шаромыжникъ какой-нибудь, прости, Господи!... Немаленьку все заплачу... Такъ, что-ли?

— Итъ, Василий Александрычъ, отвѣчаетъ ему дядя Петръ, — такъ дѣлать не годится — грѣшно и стыдно!... Мы тоже присягу принимаемъ, самъ знаешь... Конечно, лучше миркомъ да ладкомъ покончить дѣло, да сдѣлать-то это надо тожко. Ты вотъ внеси въ общественную кассу 500 руб., тогда мы и подпишемъ приговоръ, а продать свою душу за водку, да крендели, примѣрно, мы на то не согласны!...

— Не согласны, тогда и книги не дамъ, вотъ вамъ и все, жадуитесь! скадакъ Силковъ, бросая книгу въ шкафъ. Учетчики слова заспорили и раздѣлились на двѣ партіи, одни — силковцы — требовали, чтобы въ приговорѣ слово «растрата», какъ неблагозвучное, не упоминали; «къ тому-же, говорили они, старшина общается со временемъ заплатить деньги». Другіе же — петрухиныцы — напротивъ того, непременно настаивали на томъ, чтобъ «нефальшивить», дѣлать по совѣсти; «коли копѣй-

ки нѣтъ, говорили они, то нечего морочить*) и миръ, что деньги оказались на лицо, а прямо и писать надо, что растратены»...

— Все равно, говоритъ дядя Петръ, послѣ да окажется эта растрата, потому — не уплатить ему такую сумму, если прожилъ... Може послѣ-то вдвое больше этого еще растратить, тогда что скажутъ намъ сосѣди-то да и начальство не похвалятъ!..

Къ сожалѣнію, партія петрухиныцевъ все болѣе и болѣе рѣдѣла, большинство оказывалось теперь уже за Силкова, благо тотъ общается и водочкой угостить.

— Три дня и безъ того уже сидимъ здесь, да еще три дня голодать? — нѣтъ ужъ лучше сдѣлать по старшинному! говоритъ теперь и староста Федоровскаго общества, забывши обиду.

— Такъ! вѣрно! раздастся чей-то голосъ. — Да и то сказать: зачѣмъ обижать человѣка, може и вправду заплатить со-временемъ?..

Такимъ образомъ сходъ порѣшилъ: старый приговоръ «зачеркнуть», написать новый, не упоминая слова «растрата».

Подписавши новый приговоръ, учетчики стали расходиться по домамъ съ тяжелымъ чувствомъ виноватаго человѣка, и даже выпитая водочка не могла развеселить ихъ... Изъ всего схода только два человѣка — дядя Петръ и Гримуха Краснобаевъ — не подписали приговора, за то и совѣсть не безпокоила ихъ. Одно только могло ихъ безпокоить, это мечь Силкова, но, твердо вѣря народной своей пословицѣ: «Богъ не выдастъ, — свинья не съѣстъ», и мести не

страшились они

— А чуть-чуть не пропалъ я! скадакъ старшина своему писарю, проводивши учетчиковъ. — Еще съ полчаса времени прошло бы, не прѣзжай земскій начальникъ, всѣ подписались бы къ старому приговору, тогда бѣда мнѣ... Спасибо, во-время прѣехалъ... Я сказалъ ему, что «буштуютъ», выломали двери въ арестантской и сплю вышустали залюченнаго, и чего только я не наговорилъ!.. Онъ повѣрилъ и осерчалъ на ихъ, а когда пришли, какъ началъ «сердито» ихъ спрашивать, они оробѣли, думая, что онъ за меня горой стоитъ, ничего путнаго то и не рассказали... ха! ха! ха!.. радовался Силковъ, чокаясь съ писаремъ. — А ловко же я провелъ ихъ... Завтра надо дѣлать «разрубъ» податей, а тамъ собирать, денегъ, значить, у насъ много будетъ... Милости просимъ тогда и начальство повѣрять кассу — вложимъ акуратнѣйшимъ манеромъ въ сундучекъ изъ податей эти пятьсотъ, а подати исправникъ будетъ повѣрять — изъ сундука возьмемъ... Излови-ко насъ! ха! ха!..

— А что, Михѣичъ!.. запесъ было Силковъ, но остановился, понявъ, что слишкомъ далеко зашелъ въ своей откровенности. А хотѣлъ онъ сказать вотъ что: новый-то домъ подъ правленіе готовъ, стоитъ на-отставѣ отъ села, перебраться развѣ туда, да запаснись тыщенкой или двумя податныхъ денегъ, — незя-ли нѣтуха поддустить?.. Но не сказалъ ничего, а набожно перекрестился, устрашась и самъ своей мысли...

А. Ш.

*) Морочить — обманывать.